

ОТЗЫВ
официального оппонента
на рукопись и автореферат диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук
Житенева Владислава Сергеевича
«КАПОВА ПЕЩЕРА – ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ
ПЕЩЕРНОЕ СВАТИЛИЩЕ С НАСТЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ»
Специальность 07.00.06 – археология

Диссертационное исследование В.С.Житенева посвящено всестороннему анализу материалов Каповой пещеры – уникального памятника позднего палеолита Восточной Европы. В работе в полном объёме приведены результаты полевых исследований Каповой пещеры, проведённых Южноуральской экспедицией МГУ им. М.В.Ломоносова под руководством автора. В диссертации по-новому интерпретированы результаты исследований Каповой пещеры ранее проведённых А.П.Шокуровым, О.Н.Бадером, В.Е.Щелинским, Т.И.Щербаковой и В.Г.Котовым. В исследовании В.С.Житенева впервые на примере Каповой пещеры проведено комплексное исследование разнообразных культовых и хозяйственных практик позднепалеолитического населения уральского региона. Исследования проводились на современном методическом уровне, с привлечением специалистов естественных наук и носили междисциплинарный характер. Таким образом, перед нами первое полное исследование Каповой пещеры. Это обстоятельство придаёт работе В.С.Житенева несомненную научную новизну и делает её особенно актуальной.

Основной целью исследования В.С.Житенев определил проведение многофакторного сравнения комплекса Каповой пещеры с пещерными святилищами франко-кантабрийского региона Западной Европы для выявления степени их сходства или различия. Проведение такого анализа давно стало настоятельной

необходимостью, поскольку вопрос о связи изобразительной деятельности человека Южного Урала и Западной Европы неоднократно обсуждался в литературе, но развёрнутого анализа причин сходства и различия этих феноменов творческой деятельности человека позднего палеолита европейской приледниковой зоны до настоящего времени проведено не было.

Для достижения поставленной цели автор предполагает решить следующие основные исследовательские задачи:

- провести изучение материалов археологического ансамбля Каповой пещеры, выявить и определить основные виды деятельности человека верхнепалеолитического времени;
- осуществить на этой базе описание разносторонних практик человека верхнего палеолита в Каповой пещере;
- выполнить описание ключевых художественных панно Каповой пещеры и определить является ли изобразительный комплекс памятника локальным вариантом пещерного монументального искусства Франко-Кантабрии;
- провести многофакторное сравнение следов деятельности человека в Каповой пещере и пещерах Франко-Кантабрии;
- выявить на основе проведённого анализа степень сходства социально-культурных практик, лежавших в основе формирования пещерных святилищ Франко-Кантабрии и Южного Урала
- определить место и роль Каповой пещеры в верхнем палеолите региона.

Структура работы В.С.Житенева определена последовательным рассмотрением основных вопросов диссертационного исследования. Компактное и информативное введение в диссертацию даёт полное представление о методике и основных теоретических положениях из которых исходил автор при решении основных исследовательских задач. Первая часть работы – это полное изложение имеющихся на настоящее время результатов исследований Каповой пещеры. Большое внимание уделено анализу археологических следов разнообразных художественных и хозяйственных практик коллектива(ов) оставивших святилище в Каповой пещере. Во второй части автор приводит основные сведения о видах

деятельности и практиках человека в пещерах Франко-Кантабрии. Автором методически безупречно применены классификационный, сравнительно-типологический, иконографический анализ, метод аналогий, многофакторный и системный анализ.

Решению первых двух исследовательских задач посвящено профессиональное описание и анализ результатов многолетних комплексных исследований памятника, проведённых под руководством автора.

Несомненной заслугой автора является комплексное изучение всей совокупности взаимосвязей антропогенной деятельности и природного пространства пещер. Основной целью такого подхода является необходимость проведения верифицируемых сравнений памятников, а также отдельных явлений и следов повторяющихся моделей поведения – разнообразных практик, осуществлявшихся внутри пещер.

Новаторским является подход автора к Каповой пещере не только как к месту совершения ритуальных действий, но и как к месту обитания человека. Долгое время в исследованиях пещер с верхнепалеолитическими настенными изображениями основное внимание было сосредоточено именно на образцах монументального искусства и искусства малых форм, тогда как иные материальные свидетельства пребывания человека в подземных полостях упоминались sporadически. Специалисты оценивали значение самих произведений искусства значительно выше, чем объекты и следы повседневной жизни.

Выделение разнообразных жилых площадок позволило В.С.Житеневу получить совершенно новую информацию о памятнике. В.С.Житенев убедительно показал, что наиболее полное представление о многообразии форм хозяйственно-бытовых практик даёт исследование площадок посещения – участков распространения разнообразных культурных слоёв и горизонтов посещений, сформировавшихся в результате относительно кратковременных специализированных посещений пещер с настенными изображениями. Через изучение жилых площадок автор приходит к реконструкции разнообразных художественных и хозяйственных практик коллективов, посещавших пещеру.

В.С.Житенев считает, что следы человеческой деятельности в пещерах с настенными изображениями можно разделить на несколько крупных категорий:

- следы передвижения в пещере (отпечатки ступней или ладоней; следы скольжения, повреждения натёчных образований);
- следы остановок (короткие остановки; остановки перед препятствиями; остановки, связанные с проблемами ориентации или освещения; остановки для устранения натёчных образований, мешающих проходу);
- следы объектов и структур; следы объектов из недолговечных материалов; каменные вымостки и остатки других искусственных конструкций; модифицированные естественные депрессии пола;
- следы антропогенной деятельности на стенах и потолке.

По мнению автора, значительную часть свидетельств деятельности человека невозможно чётко разделить на хозяйственно-бытовые и символические. Их переплетение и в сознание первобытного человека, и в археологических материалах демонстрирует сложносоставную среду использования пространства пещер с настенными изображениями. Это мнение автора мне представляется совершенно справедливым, а его подход – плодотворным.

Важным для понимания характера памятника и особенностей его функционирования является подтверждение работами В.С.Житенева предположения о многократном посещении пещеры первобытным человеком, впервые высказанное В.Е.Щелинским.

Сравнение коллективных и индивидуальных практик Каповой и пещер Франко-Кантабрии приводит В.С.Житенева к выводу о многочисленных общих чертах, объединяющий эти феномены. К важнейшим из них относятся:

- зонирование (структурирование) подземной полости с точки зрения взаимосвязи топографии и осуществления различных по содержанию практик;
- использование пигмента, включая оставление «кладиков»-скоплений и закладок;
- следы неидентифицируемых практик манипуляций с краской;
- «закладки» костей и натёков и, по всей видимости, предметов, включая палитры и разбитые плитки;

- разрушение плиток с изображениями (следы этих практик наиболее часто фиксируются в ассоциации с площадками посещения или жилыми);
- наличие в коллекциях изделий и материалов, принесённых на значительные расстояния;
- фиксация следов деятельности, выходящей за узкие рамки понятия святилища, включая хозяйственно-бытовые и организационные мероприятия.

Естественно, что важнейшее место в исследовании В.С.Житенева занимает анализ изобразительных панно Каповой пещеры. По убедительно обоснованному мнению автора, художественная деятельность в Каповой пещере была гораздо более разнообразной, чем только нанесение изображений на стены. Об этом свидетельствует наличие «красных» и «белых» зон в художественном комплексе; взаимосвязь разных отделов пещеры на основе отдельных схожих по стилю и типу фигур и образов; наличие следов использования краски вдали от панно с рисунками; широкое разнообразие следов манипуляций с красочным пигментом; свидетельства изобразительной деятельности не только на стенах пещер, но и на глыбах, и плитках – всё это по мнению автора отчётливо показывает сложную структуру художественной и изобразительной деятельности на памятнике.

Сравнительный анализ изобразительных панно Каповой пещеры и пещер Франко-Кантабрии привёл автора, как и всех других исследователей Каповой пещеры, к утверждению тезиса о связи происхождения изобразительного ансамбля Каповой пещеры с западноевропейской областью развития пещерного искусства верхнего палеолита. Этот вывод основан на следующих наблюдениях: схожий набор образов животных, реалистичность изображений животных с одновременной стилизацией отдельных элементов фигур, широкое использование естественных особенностей рельефа поверхностей, общий набор технических изобразительных приёмов, особенности изображения и выделения отдельных частей тела, преобладание геометрических знаков (часть из которых находит прямые аналоги в изобразительных комплексах французских и испанских пещер), зональность в размещении образов и тем – как между этажами, так и в пространстве каждого из них, (включая выделение «красных» и «белых» зон).

Суммируя выводы по художественным особенностям Каповой пещеры и сравнительному анализу ритуальных и хозяйственных практик пещерных святилищ Западной Европы, В.С.Житенев приходит к следующим основным выводам, которые выносит на защиту:

- утверждение тезиса о связи прямого происхождения изобразительного ансамбля Каповой пещеры с Франко-Кантабрийской областью развития пещерного искусства верхнего палеолита;

- практика организации пещерных святилищ и разносторонней деятельности в них была распространена в Европе от Атлантики до Урала на идентичных или очень похожих началах;

- структура организации и деятельности в пещерных святилищах аналогичны структурам организации и использования пространства на поселенческих памятниках;

- материалы коллекции из культурных слоёв и горизонтов посещения практически не отличаются от обычного набора материалов поселенческих памятников региона;

- практики разрушения предметов искусства, включая образцы искусства малых форм, а также плитки и камни с изображениями из пещер с настенными изображениями, связаны с жилыми пространствами как в пещерных памятниках, так и на стоянках открытого типа, что может означать куда более глубокую взаимосвязь социально-культурных основ верхнепалеолитических обществ, проживавших в разных ландшафтно-географических областях Европы;

- объяснение глубинного сходства между верхнепалеолитическими пещерными памятниками с настенными изображениями в Европе и на Южном Урале с точки зрения наиболее отвечающим критериям общественных законов развития и имеющимся конкретно-историческим и археологическим данным являются миграции населения как носителя традиции;

- Капова пещера являлась сезонным местом сбора большого коллектива, состоявшего из отдельных групп охотников-собирателей, для проведения традиционно приуроченных к этому времени комплексов социальных и ритуально-культурных практик;

- появление святилища в Каповой пещере относится ко времени, предшествующему максимуму оледенения, т. е. к тому этапу, когда движение коллективов характеризовалось направлением из Европы в сторону Урала.

Далее я рассмотрю более подробно как дискуссионные, так и поддерживаемые мною положения, выносимые автором на защиту.

Автор полагает, что лучшим объяснением сходства между верхнепалеолитическими пещерными святилищами в Европе и на Южном Урале «... является миграция населения как носителей традиции.» Этот вывод мне представляется недостаточно аргументированным. В.С.Житенев справедливо отмечает, что одной из нерешённых проблем в археологии позднего палеолита Урала на сегодняшний день является пока не получившее удовлетворительного объяснения противоречие: сходство ритуальных и хозяйственных практик на Южном Урале и Франко-Кантабрии, сходство в сюжетах и технике исполнения живописных панно и, в то же время, практически отсутствие сходства с позднепалеолитическими материалами Западной Европы в каменной и костяной индустрии. Очевидно, что если бы имело место простое физическое перемещение населения сходство проявлялось бы во всех составляющих материальной и духовной культуры.

По имеющимся в настоящее время археологическим свидетельствам, население Урала в финальном палеолите имело контакты с коллективами т.н. «аренбургских» культур центральных районов Восточноевропейской равнины (Павлов, 2012). Тем не менее, принимая во внимание западные аналогии живописным панно Каповой пещеры нельзя исключать, что начало этих контактов может относиться к более раннему времени. Но, даже допуская наличие подобных связей, встаёт вопрос в какой форме они проявлялись? Я убеждён, что миграция населения – это не самое убедительное объяснение причин подобного сходства. Следы массового передвижения населения Западной Европы на восток в позднем палеолите археологически не зафиксированы, а изолированная группа не имела шансов проделать путь в 4 тыс. км по уже заселённой территории.

Впрочем, сам В.С.Житенев пишет, что на современном уровне понимания культурных взаимодействий в пределах Евразийского материка однозначно решить вопрос о причинах и способах распространения на огромные расстояния аналогичных или близких художественных практик древнего населения не представляется возможным. Решение этих вопросов будет означать переход на новый уровень исследований первобытного человечества, и он невозможен без интегративного, подлинно междисциплинарного подхода к изучению палеолитического человека, который в настоящее время только разрабатывается.

Не ставя под сомнение новаторский подход автора к исследованию Каповой я все же считаю, что автор преувеличивает сходство организации и использования пространства в пещерных святилищах и поселенческих памятниках. Во-первых, естественные ограничения на виды деятельности накладывало принципиальное отличие ландшафтной локализации памятников. Стеснённость пространства и недостаточная освещённость пещерных стоянок неизбежно вели к ограничениям на виды деятельности и особенностям их выполнения.

К тому же сам В.С.Житенев отмечает, что лимитация видов деятельности неизбежно накладывала отпечаток на структуру комплексов каменного инвентаря. В Каповой пещере практически отсутствуют некоторые категории изделий, в частности связанные с первичной обработкой камня. В этой связи я полагаю, что для более полной характеристики особенностей материальной культуры Каповой, автору при описании особенностей каменного и костяного инвентаря памятника, было бы полезно привлечь материалы практически одновременных, однокультурных и близко расположенных позднепалеолитических стоянок, таких как Сергеевка 1, Кульюрттамак и Байсланташ.

Сравнительный анализ Каповой пещеры с другими пещерами с изображениями Южного Урала проведён автором достаточно сжато, вероятно, ввиду возникших определённых сомнений в палеолитическом возрасте красочных панно Игнatieвской пещеры. Однако сам сюжет о развитии на Урале традиции красочных изображений на скальных выходах, которая очевидно является продолжением традиции Каповой, безусловно, интересен и требует дальнейшей разра-

ботки. Подобные изображения известны в мезолитическую эпоху (Большой Глухой, Сикияз-Тамак). В частности, в гроте Большой Глухой на Среднем Урале пятна охры располагались во входном гроте на восточной стене грота, в месте куда попадают первые лучи восходящего солнца. Красочные изображения на скальных выходах известны на Урале в эпоху неолита и бронзы. Общеизвестно, что традиция использования пещер в качестве святилищ существовала на Урале вплоть до этнографической современности.

В.С.Житенев обратил внимание на практику разрушения образцов палеолитического искусства как на стоянках поселенческого типа, так и в пещерных памятниках с настенными изображениями и считает, что это выражение новой формы верхнепалеолитической изобразительной и ритуальной деятельности человека, имеющей большое количество прямых аналогий в пещерах Франко-Кантабрии. К этому можно добавить, что традиция намеренной порчи не только предметов искусства, но и предметов хозяйственного обихода в святилищах прослеживается на Урале в более позднее время. В частности, подобная практика зафиксирована в слое мезолитического святилища грота Большой Глухой на Среднем Урале, где под пятном охры на стенке грота найдены преднамеренно разбитые костяные орудия.

Основываясь на особенностях материальной культуры Каповой, этнографических материалах о ранжировании святилищ коренных народов Севера России на родовые и региональные В.С.Житенев считает, что есть все основания рассматривать Капову пещеру как пример регионального пещерного святилища населения позднего палеолита Поволжья, Урала, Зауралья и, возможно, прилегающих областей Западной Сибири.

Судя по имеющимся результатам абсолютного датирования Каповой пещеры, позднепалеолитическое святилище функционировало 16 – 13 тыс. лет назад, т.е. на протяжении около 3 тысяч лет. Этот хронологический интервал совпадает с отмеченным мною периодом консолидации уральской позднепалеолитической культуры, к которой, по мнению В.С.Житенева, относится Капова пещера. В это время ареал культуры охватывал весь Урал, Поволжье и прилегаю-

щие к Уралу районы Западной Сибири (Павлов, 2012). Высказанное В.С.Житеневым предположение о Каповой как месте сезонного сбора большого коллектива, состоявшего из отдельных групп охотников-собирателей, для проведения комплексов социальных и ритуально-культовых практик хорошо согласуется с особенностями развития уральской культуры и поэтому мне чрезвычайно импонирует. По моему мнению, есть достаточные основания предполагать, что Капова пещера действительно являлась региональным святилищем коллективов уральской позднепалеолитической культуры.

В.С.Житенев полагает, что появление святилища в Каповой пещере относится ко времени предшествующему максимуму оледенения позднего валдая. Однако по костям и древесному углю из культурных слоёв получены некалиброванные даты позднеплейстоценовых посещений пещеры в интервале от $13\ 930 \pm 300$ л. н. до $16\ 010 \pm 100$ л. н. Серия имеющихся в настоящее время абсолютных определений возраста указывает на то, что памятник относится ко второй половине позднего валдая. Поэтому предположение автора о возникновении святилища в Каповой пещере до LGM, по моему мнению, нуждается в серьёзной дополнительной аргументации.

В заключение, я бы посоветовал автору при подготовке работы к изданию сделать более компактным иллюстративный материал.

Несмотря на ряд возражений автору по ряду выносимых на защиту положений диссертации, я полагаю, что основной вывод работы В.С.Житенева об инклюзивном общеевропейском характере явления пещерного искусства верхнего палеолита, к которому относится Капова пещера, обоснован всем приведённым в ней фактическим материалом, системой аргументации и, на мой взгляд, совершенно справедлив.

Диссертация В.С.Житенева – это высокопрофессиональное, глубокое исследование, в котором автор впервые в полном объёме приводит результаты комплексных исследований уникального для Восточной Европы палеолитического памятника с пещерной живописью. Автором впервые в ходе комплексного исследования зафиксированы, исследованы и классифицированы многие новые

типы следов деятельности человека в Каповой пещере, которые позволили создать целостную картину использования подземной полости в качестве верхнепалеолитического святилища. В исследовании В.С.Житенева Капова пещера впервые представлена не только как объект с живописью, но как сложный полифункциональный комплекс, в котором объединялись различные виды духовных и хозяйственных практик первобытного человека. Выявленные свидетельства деятельности человека позволили автору высказать предположение и обосновать принципиальное сходство характера деятельности человека в Каповой пещере и памятников с настенными изображениями Западной Европы и о генезисе разносторонних практик, зафиксированных в Каповой пещере, на основе развития традиций подземных святилищ Франко-Кантабрии.

Оценивая содержание работы В.С.Житенева в целом, необходимо отметить, что в диссертации представлены материалы, полученные соискателем самостоятельно, имеющие существенное значение для археологии Восточной Европы и, безусловно, свидетельствующие о личном вкладе автора в науку. Большое теоретическое значение для дальнейших исследований позднего палеолита европейской приледниковой зоны имеет вывод автора об инклюзивном общеевропейском характере явления пещерного искусства верхнего палеолита, в ряду памятников которого достойное место занимает Капова пещера.

Особо хотелось бы отметить логичную и выверенную структуру работы В.С.Житенева, чёткое изложение аргументации вынесенных на защиту положений, хороший литературный язык.

Знакомство с важнейшими статьями, в которых опубликованы основные результаты исследования В.С.Житенева, показало, что основные выводы диссертации нашли в них своё полное отражение. Автореферат диссертации также полностью отражает её содержание.

Оценка диссертации проводилась в соответствии с требованием пункта 9 «Положения о присуждении учёных степеней» о разработке автором диссертации положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, в диссертации решена научная проблема, имеющая важное значение

для изучения эпохи палеолита. Диссертация В.С.Житенева полностью соответствует этим критериям. Работа вносит новый существенный вклад в изучение позднего палеолита Урала и Восточной Европы в целом.

Автор диссертации заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Главный научный сотрудник отдела археологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор исторических наук

Павлов Павел Юрьевич

02.05.2017 г.

167982 Сыктывкар, Коммунистическая 26

Тел. 89129657249

E-mail: ppavlov120@gmail.com

Подпись	<i>П.Ю. Павлов</i>
заверяю.	
	Заведующая канцелярией Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
	<i>М.З. Шитова</i>
« 02 » 05	2017 г.